

Валерий Пикулев

Тайны петербургских предместий

Казна генерала Майделя

Валерий Пикулев

**Тайны петербургских предместий.
Казна генерала Майделя**

«Издательские решения»

Пикулев В.

Тайны петербургских предместий. Казна генерала Майделя /
В. Пикулев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907136-1

Готов ли ты отправиться в своё прошлое, чтобы изменить настоящее и создать лучезарное будущее? Сможешь ли противостоять соблазнам и, отыскав заповедный клад, сохранить при этом свою личность, не предать друзей и идеалов юности? Готов ли пройти по извилистым лабиринтам судьбы и не заблудиться в них? — Готов? Тогда эта книга для тебя! Роман основан на реальных исторических событиях и повествует об одной из драматических и таинственных страниц истории северных предместий Санкт-Петербурга.

ISBN 978-5-44-907136-1

© Пикулев В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Пиратские клады	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Тайны петербургских предместий Казна генерала Майделя

Валерий Пикулев

© Валерий Пикулев, 2018

ISBN 978-5-4490-7136-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тайны старинных кладов! – вы будоражили детское воображение, волновали юношескую кровь, заставляя вновь и вновь перелистывать страницы пиратских романов, снова и снова разглядывать еле заметные пометки на блеклых репродукциях старых разбойничьих карт!

Послания далёкой старины, доверенные пожелтевшим листам древних манускриптов... – сколь много веков пронесла над вами Река Времени, истирая в прах! – Лишь жалкие обрывки выплеснула она к нашим ногам, на болотистый берег нынешних дней... лишь крохи мыслей и знаний, коими владел тот, кто покрывал неровными строчками листы полуистлевшего теперь, – увы! – пергамента!

Что же скрывалось за этими тайнами? – Древние поверья предков, колдовские обряды? Или описания примет, по которым только и можно определить вожаки-вожде-ленные места захоронений сокровищ, неизвестно кем и как добытых? И какой неизмеримой глубины достигло отчаянье от невозможности тайны сии хранить далее, – чтобы довериться тонким листам пергамента в зыбкой надежде быть когда-нибудь и кем-нибудь воспринятыми!

А может, дело совсем и не в тайнах старинных кладов, а лишь в той поре нашей жизни, когда так хочется что-то открывать и что-то находить? – В нашем детстве, в юности нашей? И мы, кому удалось прикоснуться к этому, остаёмся ли, огрубевшие душами, верными тем сокровенным мечтам, бередившим когда-то молодое сознание, – верными тому источнику живой воды, который так легко замутировать?!

Часть 1. Пиратские клады

Море спокойно... Поверхность лагуны слегка рябит под дуновением бриза, бликуя и переливаясь оттенками зеленоватой голубизны. Солнце в зените и печёт немилосердно.

Островок, затерявшийся в южных морях... Пустынный пляж. – Ни криков чаек, ни шумного вздоха случайной волны! Лишь угловатые тени кокосовых пальм да едва уловимая полоска прилива. Струйки песка меж пальцев обжигают кожу, навевая сон...

Море сливается с небом в лёгкой прозрачной дымке. Ситлуэт бригаантины, стоящей на якоре в трёх кабельтовых от берега; наблюдатель в «вороньем гнезде» да одинокая фигурка вахтенного на баке, – вот и все признаки жизни...

Левый борт парусника, обращённый к острову, окутался беловатым дымком. До слуха доносится приглушённый раскат пушечного выстрела. – Полдень! От борта судна отваливает шлюпка. Взяв курс на берег, она медленно приближается с каждым взмахом трёх пар вёсел. Стекающая с них вода сверкает на солнце расплавленным серебром.

Искупаться, что ли, ещё разок?! Да подыматься лень. Ну и акулы... – Так и лежал бы себе, размышляя о пиратах, о несметные сокровищах, о бликах южных морей... о том, что завершилась эта нудная четвёртая четверть, а с нею и шестой класс, будь он неладен!

Шлюпка так близко подошла к берегу, что её теперь невозможно разглядеть сквозь заросли камыша. Ещё один хороший гребок, ещё один дружный взмах вёсел, и...

И в камышах, обступивших пляж, создавая в этой части берега уютную бухточку, что-то зашуршало... и на берег вылез весь обвешенный тиной Борька.

– Не, раков здесь нету, – констатировал он, отвлекая Вениамина от сладкой дрёмы, – за раками надо на реку Сестру, а тут, на Разливе, нету их.

Ну и дёрнуло же его со своими раками! В самом интересном месте прервать!

Шестой класс, надо сказать, завершён не как-нибудь, а с отличием! В этом, пожалуй, и заключена вся прелесть начавшихся летних каникул. Теперь и оттопыриться не грех на всю катушку, о пиратах помечтать, о кладах там... о дальних южных морях!

Всего лишь позавчера Вениамин прикатил со своими на лето в их старинный каменный дом, – «родовое гнездо». Приехали налегке: всё необходимое для дачной жизни в доме имелось и никогда на зиму не увозилось. Здесь можно бы и зимовать, да только не очень-то хотелось замораживаться топливом на зиму, поездками в школу... да и «удобства» во дворе... А так, летом, жили они в Александровке уже много лет: жил и Веня с самого рождения, жили его родители, и бабушка с дедушкой. Вот, и в этом году...

Приехали не как-нибудь, а на новеньком «москвичонке». Только въехали во двор, а Борька со своими уже здесь, – в нынешнем году они у тёти Ульяны сняли весь второй этаж с маленькой кухонкой впридачу, – улыбается, рот до ушей, и рожицы строит всякие.

Боря перешёл в шестой, и всего одна тройка! – уж больно хлестался. Вениамин не стал выпячиваться с пятёрками, – пусть покобенится. Друзья были рады встрече: целый год не виделись! Теперь снова поле, залив, озеро... Эх! – Хорошая это штука, лето!

Тётя Ульяна, – хозяйка небольшой дружной семьи, – жила в своём доме постоянно и за имуществом соседей приглядывала (ей даже ключи на зиму оставляли), да и между огородами внутренних границ не было. Дедушка Вени дружил с дядей Аликом, мужем тёти Ульяны, – после войны, когда те переселились сюда из-под Порхова «на землю предков», как поговаривал дядя Алик, дедушка одолжил им довольно большую по тем временам сумму на постройку дома и с возвратом долга не торопил. Так и жили все вместе, наслаждаясь природой, чистым воздухом и красотой человеческих отношений...

Посёлок в пору, о которой повествуется, – а это 1966 год, – восхищал глаз! Даже теперь в нём, испаханном заборами новороссов, остались следы былой красоты!

Расположенная под Ленинградом, близ озера Разлив, у Финского Залива, Александровка была построена в конце позапрошлого века графом Стенбок-Фермором, скупившим под дачи земли от Ольгино до Тарховки, и с тех пор гордо носит его имя.

Настоящим же достоянием Александровки в пору, о которой идёт речь, было не озеро и даже не залив, с берега которого в хорошую погоду можно различить форты, Кронштадт и Ораниенбаум... – Её достоянием было широкое поле, отделённое от посёлка задёрнутым ряской Горским Ручьём и ещё не отданное «на растерзание» садоводам, чьи халупы и коттеджи в настоящее время образовали, по существу, Нью-Александровку.

Поле это, обрамлённое с двух сторон лесом, с третьей – уже упомянутым Горским Ручьём, а с четвёртой – Левашовским шоссе (по которому проходит теперь окружная дорога, ведущая через дамбу, в Кронштадт), было, собственно, и не очень-то велико: всего пять квадратных километров. Однако, взобравшись на любой из пригорков, раскиданных в живописном беспорядке по всему пространству, окинув замороженным взором волнующееся под порывами ветерка море тимофеевки, всмотревшись в бездонную синеву неба и отыскав словно в замороженных в её ледяную глыбу жаворонков... – можно было ощутить бесконечность! Бесконечность пространства и бытия!

А на картофельных грядках можно разглядеть и важных чибисов с кокетливыми косичками, оглашавших окрестности своими пронзительно-пискливыми криками.

Неповторимо поле и в закатные часы. Косые лучи заходящего солнца, придавая рельефность каждому кустику, каждой былинке, создавали то умиротворённо-спокойное настроение, когда не слишком даже утончённый человек способен сочинять стихи!

А, когда сумерки, сгущаясь, опускались на землю, оседая росой на траве, и туман лёгкой ленточкой тянулся над болотцем, расстилаясь затем огромным слоистым покрывалом над засыпающим полем, – и меж этими слоями легко различались дальние холмы, – как хорошо дышалось этой влажной прохладой в такие часы!

Вот, о нём-то, об этом поле, и пойдёт рассказ. Именно, оно станет сценой драматичных и, поистине, таинственных событий, о которых речь дальше.

– ... Послушай, Боб! А ты чё, всё лето хочешь раков ловить? – Скажешь тоже! Это я так. Вот если б лодку достать, тогда можно было бы... Да только у дяди Алика нету, а чужую отвязывать, – пендалей надают! Борька покосился на чью-то, плескавшуюся на воде лодку, привязанную цепью с замком к толстому железному столбу. На борту лодки чёрной краской был жирно выведен регистрационный номер.

У дяди Алика, мужа тёти Ульяны, лодки, и правда, не было, зато были другие странности... – они-то и явились причиной повествования, но о них чуть позже, а пока...

– Да-а! – поддакнул Венька, – с лодкой было бы куда интересней! Можно и на залив махнуть, к островам. Там старинные пушки... и клад, может, какой-нибудь спрятан! В пиратов поиграли бы... Как в южных морях, – острова с сокровищами! Вот, это да-а!

– Верно мыслишь, старик! – вздохнул Борис, – когда вырасту, обязательно капитаном дальнего плавания стану! ... Или куплю резиновую лодку.

На другой день с утра было пасмурно. Шёл мелкий противный дождик. Он так и моросил всё утро, – ни в поле выйти, ни к озеру смотаться! После обеда сидят Боря с Венькой на крыльце у тёти Ульяны и не знают чем бы заняться.

– Знаешь, мне вчера отец из города книжку приволок, – «Остров сокровищ», – вот это да-а! – с восхищением произнёс Боб, – весь вечер читал. И сегодня буду.

– А мне дашь потом почитать? – Веня дунул на головку одуванчика: маленькие парашютики тут же опустились, едва вылетев на дождик. – Потом дам...

Они замолчали. Каждый о своём думал. – О своём острове сокровищ в южных морях. Вот бы туда, на бескрайний морской простор, где, – куда ни кинь восторженный взгляд, – изумрудные волны до горизонта! А на горизонте, словно мираж, – остров с пальмами... и пиратскими сокровищами!

– А знаешь, Вень... – Боря помолчал немного, разглядывая божью коровку на стебельке тимopheевки: она, спотыкаясь, доковыляла до кончика травинки, а затем вдруг, расправив крылышки, полетела куда-то под дождём, на небо, «где её детки кушают котлетки», – так это... за кладами надо на другой берег Разлива смотреть, – он снова умолк, загадочно улыбаясь в предвкушении эффекта, который, по его мнению, должен был оказать на собеседника ещё не озвученный остаток мысли, – ... там раньше была финская территория, и на заброшенных хуторах, говорят, они много кладов зарыли.

– Так ведь туда каждый день на поезде надо ездить; мне столько денег и не даст никто, – Венька с сожалением причмокнул, – разве что редиской торговать пойти вместе с Тонькой. Боб хихикнул, вспомнив о Тоне. – Да-а! С ней бы мы наторговали!

У Олега и Ульяны Лутиных была единственная дочь – Тоня. Тонечка отличалась трудолюбием, но её отношение к нехитрому и в то же время нелёгкому деревенскому труду можно объяснить скорее не тягой к земле и к сельскому укладу, а желанием хоть чем-нибудь помочь родителям. И она помогала чем могла... – Особенно ей удавалось торговать на местном рынке овощами: даже тётя Ульяна, с её жизненным опытом, не смогла бы похвастать такой выручкой!

Как-то раз, прошлым летом, у Тониной подружки по школе, – все ребята местных жителей ездили в школу, в соседнем посёлке, – не ладилась торговля: уж и день-то кончается, а больше половины пучков редиски не проданы! И вот тогда сметливая Тонечка предложила ей свою помощь: перевязала все пучки, сделав их раза в два меньше, и цену убавила соответственно, – раза в полтора... И через час у неё всё раскупили! – Ну и часть выручки себе взяла, конечно же, – по справедливости (мать подружки потом к тёте Ульяне приходила эту «справедливость» восстанавливать).

– Не, старик, редиской не годится... Мы что-нибудь получше придумаем. Вот если... – Борька наморщил лоб и почесал под носом, – если б лодку самим построить! Построим и будем плавать по Разливу туда-сюда хоть каждый день, а заодно и рыбы наловим.

– Да не-е, лодки нам не построить, – возразил Веня, вытряхивая песок из сандалий, – её ведь и конопатить надо и смолить... и каждый раз потом домой таскать с озера: нельзя же лодку там оставлять без цепи и без номера, – стырят! А вот если плот... – он помолчал немного, надевая сандалии и что-то обдумывая, – ... если построить плот, – всего с десятков брёвен! – так его можно прямо на озере и держать, кому он нужен-то! Да и строить лучше у самого озера. Подумаешь! – Связал брёвна верёвками да досочек приколотил гвоздиками – и готово!

– Верно! – тут же согласился Боб, что, впрочем, на него не было похоже: он всегда норovil поспорить и настоять на своём. А тут сразу и согласился. Чудно как-то. Ну да ладно, – согласился и хорошо. Значит, предложение и вправду стоящее оказалось.

А дождик так и проморосил весь день, до самого вечера. Зато на другое утро погода выдалась изумительная! Правда, после затяжного дождя в поле идти не хотелось – чего там в сырой траве мокнуть. Да и купаться с утра на озеро тоже неохота. И пошли Боб с Венькой прогуляться по посёлку, – пошататься, поговорить... Затем повернули к озеру: место присмотреть в камышах, где можно плот прятать. Как ни искали, а всё лучше камышовой бухточки ихней не найти. Остановились на ней. И, усевшись на корягу, как заправские искатели приключений, пустились в рассуждения...

Самое главное и самое, пожалуй, приятное заключалось в том, что их со строительством плота никто не гнал – впереди целое лето! Вот, они и вкусили на полную катушку всю прелесть

обсуждения своих замыслов. Ах, как хорошо, как приятно обсуждать проблемы, с решением которых тебя никто не торопит! Да только сдаётся, что это и так хорошо всем известно.

– ... Ну, место для плота, пожалуй, мы и нашли, – задумчиво произнёс Боря, жуя травинку. – Теперь бы брёвен достать побольше, да покрупнее.

– Да погоди ты с брёвнами, – прервал его Веня, устраиваясь поудобнее на коряге, – сперва надо бы верёвками запастись, да гвоздями... – уж больно ему не хотелось заморачиваться с какими-то там брёвнами, когда можно было начать с чего-то попроще. – ... А с брёвнами потом разберёмся. – Эх! Вот в южных-то морях! Мы бы с тобой не такое отчудили!

– Да-а! В морях красота-а! – поддакнул Борька. – Вот, когда в Севастополь переедем... – а дело в том, что в Севастополе жила его бабушка и давно просила их переехать к ней, в Крым, где внуку со здоровьем было бы полегче.

Приятель замолкли, созерцая прелестную картину утра на озере, мелкую рябь на водной поверхности, отражающей солнечные блики...

– ... Ну, молоток и топорик мы у дяди Алика потом попросим, – продолжил Веня свою мысль, воротившись с южных морей, – а вот кусачки надо, пожалуй, уже сейчас поиметь.

– А зачем кусачки, – спросил, немного поразмыслив, Боря, – он, надо сказать, не очень-то догадлив был: ну, что с троечника возьмёшь!

– Как зачем? – А чем ты гвозди будешь выдирать? Не хватало ещё денег доставать на покупку! Мне их просто так не дадут: объяснять придётся... что да как, да зачем. – Вот из заборов и будем...

– Голова-то у тебя хорошая, да только не в ту сторону думает, – хихикнул Боб. – Ладно. Согласен!

А надо сказать, что в те простые времена подростки, вроде Борьки с Венькой, не имели обыкновения располагать карманными деньгами. Это сейчас, в двадцать первом веке, можно услышать на улице странную речь каких-нибудь гимназёров-третьеклашек о сотне-другой «деревянных», раздобытых на хлопущки... – но, честное слово! – жизнь тогдашней детворы не была скуднее от этого! Скорее наоборот! – Ну кто сейчас похвастается построенной им самим подзорной трубой с тридцатикратным увеличением... через которую так интересно по вечерам заглядывать в чужие окна? ... Или взорванным пузырьком с гремучим газом, полученным тайком от родителей путём разложения воды электрическим током от батарейки для карманного фонарика?! Да. Время идёт, мир меняется! И не всегда к лучшему, пожалуй, – ох, не всегда!

...Решили, что родителей в это дело посвящать ни к чему, а потому договорились так: Борис будет заниматься добыванием верёвок, – благо, их много надо на плот, – а Веня должен обеспечить гвозди (ржавые кусачки были им уже давно примечены между забором и бывшим коровником, у дяди Алика).

Весь следующий день приятели провели за обсуждением конструкции будущего плота. Для этого Боря притащил целую пачку каких-то листов, исписанных с одной стороны, и пару заточенных карандашей, после чего они принялись вычерчивать всякие-разные конструкции плотов, одна другой краше.

– Ну, сконструировать плот нам, положим, и удастся, да толку-то, – всё равно без денег и разных инструментов его не построить, – задумчиво произнёс Боря, – вон ведь Кон-Тики... – на специальных верфях соорудили.

– В любом деле, – наставительно заметил Вениамин, – главное не средства и не инструменты, – при этом он сделал ударения на соответствующие буквы, как любил говаривать его дедушка, – а методы. – Взять, к примеру, весы... ну хоть которые у тёти Ульяны в прихожей стоят. Сколько раз ни пытался, никак их уравновесить не мог, а вот Тонька на них торгует даже, да так лихо, ты бы видел, – никогда в накладе не остаётся! – Вот что значит знать методы: тогда и на неправильных весах можно взвешивать!

– Главное в нашем деле, – найти такой метод постройки плота, что бы всё шло само собой, и ничего не надо было делать.

– Как это?... – Борька недоумённо взглянул на приятеля.

– А вот как: надо пошататься около магазина да натаскать ящиков, а ещё лучше бочек всяких. А потом мы их свяжем да настелим досок, – и безо всяких там брёвен!

– А это ты здорово придумал!

Ободрённые удачным началом конструирования, ребята в том же духе продолжили обсуждение:

– А ещё бы автомобильных камер натереть, верно?

– Не худо... только где взять-то их?

– Найдём! – заверил Борис и быстро набросал конструкцию плота.

На другой день ребята решили пуститься на поиски. – Безрезультатно.

– Не, так нам плота не построить, – подвёл Боб итоги целого дня исследований, похоже, его надо из брёвен... – как все.

– Опять ты со своими брёвнами! – отмахнулся Веня, которому больно уж не хотелось «как все», – давай сперва подготовим всё остальное: гвозди там, верёвки, а потом уже... – На том и порешили.

Целых пять дней бродил Вениамин по Александровке и украдкой выдирали гвозди из заборов! Надёргал сотни две, – со счёту сбился! – причём, ржавые не брал. Это монотонное занятие скрашивали блики южных морей, их плот, вроде знаменитого Кон-Тики, пальмы на таинственных островах, старые, пожелтевшие от времени и пролитого рома карты пиратов, на которых крестиками обозначены места кладов... Знать бы, ведать бы ему, во что воплотятся через много лет безмятежные мечты юности!

Гвозди старался добывать в отдалённых от дома закоулках, где его не знали, – да так разошёлся, что и не заметил как чуть было не влип! Домой прибежал взволнованный, запыхавшийся... Потом уже, к вечеру, он во всех подробностях рассказал свою историю Борьке:

– Ташу я как-то очередной гвоздь, – Веня говорил об этом уже совершенно спокойно и даже пытаюсь придать своему рассказу некую долю таинственности, – ташу и вдруг чувствую: кто-то меня сечёт! Медленно оборачиваюсь и вижу, – тут он выдержал большую паузу для солидности, но не заметив должной реакции со стороны друга, продолжил уже более спокойно, – ... вижу, что какой-то мужик стоит и наблюдает за мною, и с большим интересом. – «Ты чо ето делаешь?» – спрашивает. У меня тут же кусачки упали в канаву, а душа – в пятки! «Дяденька, помогите!» – отвечаю ему жалобно так, – подержите-ка забор, пожалуйста! – говорю то ли со страху, то ли сдуру, – надо гвоздь этот получше заколотить, а то... а то он прохожих зацепить может... – а между забором и дорогой была сухая канава, почти с метр шириной. – Подержите здесь, а я... а я с другой стороны...» – Мужик вытаращил на меня глаза, но всё-таки ухватился обеими руками за ограду. Сколько он держал её, неизвестно, потому что, схватив кусачки, я быстро повернул за угол и дал такого дёру, что и сейчас не могу всё ещё прийти в себя! – Веня хихикнул для приличия, но Боб оставался невозмутим.

– Это что, а вот у меня... – и, в свою очередь, рассказал, как добыл тем временем несколько длиннющих кусков верёвки. Особо не заморачиваясь, он срезал их без затей и канители, – один за другим – со столбов в поле, нимало удивив тем соседку с другого дома: ведь, вчера же только новую верёвку натянула, и на тебе – нету!

Из этих кусков ребята связали верёвку длиной метров сто. В поле связывали, чтобы никто не заметил. Правда, клубок получился здоровенный, с футбольный мяч, – и им снова пришлось развязать верёвку на куски. Куски верёвки и гвозди они тайком принесли домой и спрятали под крыльцом у тёти Ульяны, в рундуке.

Итак, подготовительные работы завершены. Пришло время подумать и о брёвнах. И тут-то стало ясно: как хорошо, как приятно заниматься мелочами, оставляя главные дела напоследок.

док! – Наверное, всем это доводилось испытывать. А вот теперь Венька и Боб даже не знали, что и подумать, с какой стороны взяться! С одной стороны – брёвна! С другой – тоже. И куда деться?

– Проблемка! Не сосны же валить, в самом деле! Да и как их до озера переть-то потом? – начал рассуждать вслух Борис. – Правда... – он потёр указательным пальцем под носом и, наморщив лоб, покосился на приятеля, – правда, вот Кон-Тики-то из тростника, вроде строили, и ничего, плыл ведь.

– То Кон-Тики... – задумчиво произнёс Веня, – им же многие помогали, мастерские какие-то даже. Да и тростника здесь столько нету. Лишь брёвна и остаются. Да ещё и досок надо раздобыть, – возникла вдруг у него весьма своевременная и спасительная мысль, – брёвна чтобы сколачивать. Плот без досок никак нельзя строить, – это я во многих книжках читал. На одних верёвках плот будет неустойчив, – любой моряк скажет!

С досками было, всё же, проще: по соседству строили сарай, и скопилось довольно много обрезков, которые собирали, кому не лень, на дрова. Вот за эту спасительную мысль приятели и ухватились, отдалив решение главной проблемы ещё на неделю, – уж очень не хотелось обременять себя тяжёлыми задачами!

А пока набрали они досок и тоже спрятали их под крыльцом у тёти Ульяны.

Прошла ещё неделька, – лето в самом разгаре! Брёвен всё не было. Эта незадача уже висела над головами наших друзей как грозовая туча, затмевая голубизну безмятежных мечтаний, – даже блики южных морей, казалось, стали не такими яркими.

Но, вот, как-то раз... Как-то раз прибегает к Вене Борис и сходу, не переведя дух: – Ура! С брёвнами порядок! Айда в поле!

Ничего ещё толком не понимая, побежал Венька за приятелем в поле, а там... там, в поле... – Даже представить себе трудно! А дело в том, что поле пересекала старая телеграфная линия: разошедшиеся от времени её столбы уже давно требовали замены. И вот... И вот, их начали, наконец, менять!

На всём протяжении линии, – от Горского Ручья, близ озера, и до полосы леса, темнеющей вдаль, – уже стояли новёхонькие, чёрные, хорошо просмолённые столбы, а старые, замённые, валялись тут же, рядышком. И так на всём пространстве!

Веня сразу всё усёк! – Послушай! Надо все старые столбы по линии перетащить к озеру, пока их не увезли. – Сообра-жа-а-ешь! – удовлетворённо заметил Борька с растяжкой.

Кое-где на линии ещё копошились рабочие, закрепляя опоры новых столбов, но дожидаться денёк приятелям было не привыкать.

– Как только они умотают, мы и начнём. – И они вскоре начали.

Сразу, после отъезда рабочих, прихватив с собой пять поленьев, покруглее, – из поленицы, которую дядя Алик заготовил на зиму, – отправились друзья в поле, к самому дальнему столбу, у леса.

План был до гениальности прост: подкладывая под столбы поленья-катки, надо последний (тридцатый по счёту) столб, дотащить до предпоследнего... затем, уже два столба, – до следующего... ну и далее. – И так, пока все столбы не окажутся на краю поля, у перелеска, за которым шоссе и озеро. Удастся ли и как перетащить столбы через перелесок и шоссе (по нему, хоть и редко, но ходят машины: дорога к Шалашу Ленина, как никак!), – об этом они решили поразмыслить потом. А пока с охоткой взялись за дело.

На перетаскивание первого столба ушло часов пять чистого времени. Попеременно подкладывая поленья, они, шаг за шагом, продвигали столб вдоль линии, – через колючие кусты можжевельника, через ивняк... обливаясь потом под палящими лучами солнца, искусанные оводами и слепнями!

Вряд ли сто́ит обсуждать здесь картину, которую являли собою наши друзья в то время, – два нагих пацана (одни трусы и тюбштейки, да сандалии), – но кому доводилось созерцать гравюры о строительстве пирамид в Древнем Египте, тот мог бы, пожалуй, составить некоторое представление... – Не хватало всего лишь надсмотрщиков с кнутами, роль которых ребята с успехом выполняли сами, по совместительству.

– Фу-у! Наконец-то! – выдохнул Борис, когда последний столб был с огромным трудом дотащен до предпоследнего. Это радостное событие случилось во второй половине дня, после обеда. Вконец измотанные, но бесконечно счастливые, приятели уселись на столб и решили произвести некоторые подсчёты.

– Пять часов на один перегон, – целый рабочий день! – Слышь? – мотнул головой Веник. – А сколько времени понадобится на все тридцать столбов? – задал Боб законный вопрос, – а ну-ка, математик, прикинь. Веня задумался...

– Один столб должен пройти двадцать девять перегонов, – начал рассуждать он вслух, – другой уже двадцать восемь... – Это всё равно, что протащить один столб... четыреста тридцать пять перегонов! – выложил он минуты через три напряжённого счёта в уме. Выложил и сам изумился: – Год и два месяца непрерывного труда!

– Ну-у! – только и протянул Борька. – Вот тебе и ну!

Действительно, – закончится лето, а они будут тащить всего лишь третий столб! Пойдут осенние дожди, а им придётся возиться с пятым! Холмы в поле уже занесёт снегом, а можно будет похвастаться лишь семью!

– Похоже, мы начали не с того конца... – озабоченно произнёс Борис.

– Постой, постой... – просиял Вениамин, – ну ты, Боб, и молоток! Завтра же и начнём. – Что начнём? – удивился Борька.

– Да с другого конца начнём, балбес! Ведь, сам же...

Он быстро прикинул: стащить второй столб к первому – один день. Третий – ещё два. Четвёртый... – За месяц мы восемь столбов соберём, а то и все десять, если поднатужимся! А августа нам за глаза хватит поплавать! – На том и порешили.

Но ни на другой день, ни на следующий, Боря с Веней так и не смогли выйти в поле. – У одного ломило все кости, да и другому было не легче. Лишь к вечеру третьего дня вышли они на улицу, – посидеть на скамеечке перед домом, обсудить свои дела.

Приятная усталость? Ну какая там усталость, да ещё и приятная! – ныло всё тело, особенно руки. Попробовал бы кто-нибудь с непривыки-то брёвна целый день ворочать! Но зато через три дня работа закипела!

Теперь они уже не были новичками: теперь друзья тащили столбы, помогая верёвками! За один день второй столбик был притащен к первому, а третий находился на полпути! Ещё через три дня работ уже шесть столбов аккуратно сложены вместе, и ребята уже начали примеряться как вязать из них плот. Работа спорилась, настроение прекрасное... – и блики южных морей с новой силой заиграли буйством тропических красок! ... А через неделю добавилось ещё три столба.

Покрывшиеся волдырями руки, стали заживать, и на них теперь красовались твёрдые, как у настоящих матросов, мозоли. Кожа на плечах и спинах у мальчишек слезла от загара, но они словно и не замечали этого, – конечная цель близка! Теперь пожалуй, и настало время обсудить вопросы переправки столбов через узкую полоску леса, к озеру. А пока...

– Ну что, Веник, если дело и дальше пойдёт, нам, думаю, удастся на плоту ещё в это лето поплавать! – заметил как-то не без удовольствия Борька, сидя на довольно уже приличной горке телеграфных столбов. Он был в хорошем настроении и не скрывал этого.

– А что если мы и взаправду клад найдём на том берегу! – решил он развить свою мысль и насладиться по полной. – А, Вень! Вот, найдём вдруг и всё тут! Что тогда с ним делать будем? – А?

– Да успокойся ты! Какой там клад?! – Лучше погляди-ка!

Со стороны аэродрома донёлся приглушённый расстоянием гул мотора трудяги АН-2, который выруливал на взлёт. Затем, сделав короткий разбег, он начал помаленьку набирать высоту.

– Сейчас парашютистов выбрасывать будет, – сообщил доверительно Вениамин.

Биплан же, грузно и неспешно забравшись на верхотуру, начал тем временем вымётывать из своего брюха одну за другой маленькие точки, – словно лягушка икринки! – делая круг за кругом. Выметнув штук пятнадцать парашютистов, самолёт сделал крутой вираж и пошёл на посадку, за новой партией... – а у каждой из маленьких точек начали вдруг вытягиваться и раскрываться парашюты, один за другим; и вскоре небо над Александровкой расцветилось разноцветьем куполов, медленно и плавно спускавшихся, относимых ветром на аэродром. – Вот красота-то! Вот зрелище!

– Эх, лётная погода сегодня! В такую погоду, где-нибудь, в южных морях!... – Боря с сожалением поглядел на брёвна, – а нам ещё столько их таскать! – Нет, как хочешь, а клад нам просто необходимо отыскать, а то как же, – псу под хвост всё это, что ли? Вот только с кладом-то... что мы с ним делать будем? – вышел он на старую тему.

– Разделим поровну, – твёрдо ответил Вениамин, словно все другие вопросы их предприятия были уже решены. – Конечно же, разделим поровну, старик! – согласился его товарищ. Так и порешили.

На другой день ребята, как и обычно, отправились на свои добровольно-каторжные работы. Дотащив ещё один столб, десятый по счёту, они решили теперь, что и вправду настало время перейти к следующей фазе предприятия – к переправке столбов через узкую полосу леса, отделявшую их от озера. Было над чем подумать, поломать голову! Это уже не поле, – здесь по прямой столб не протащишь! А там ещё и шоссе... А дальше? – Дальше нужно брёвна вязать в плот. И этот плот должен выдержать обоих! Пожалуй, тут и пятнадцати брёвен не хватит, а у них ещё только десять, – это за три недели-то изнурительной работы! Да, было над чем поразмыслить!

Прошло ещё два дня. И чем ближе продвигались они к завершению своего предприятия, тем беспокойнее как-то становилось на душе. Вот, выйдут на плоту в море. Ну, хотя бы на озеро... А он возьмёт и перевернётся! И что тогда? – На середине-то! А там, говорят, воронки, водовороты! В самом начале работы об этом даже и не задумывались, а сейчас?! Как-то стрёмно сейчас стало. Тревожно как-то даже и беспокойно. Да и все, пожалуй, тоже согласятся: любая идея в своём начале безоблачна и прекрасна в её дерзком порыве! – Это потом уже...

Ну, хотя бы взять, к примеру, нашу Великую Октябрьскую, – Пафос! Это уже потом культ личности, застой... А Перестройка... с восходящей звездой Горбачёва? – Просто здорово! Это потом уже развал, – греча и рис по талонам! А вначале – надежды! И какие надежды! – Эх! Вначале всегда лучше!

Теперь уже мысли о южных морях посещали ребят всё реже. Острова с пальмами на берегу... – всё это как-то потускнело, стало не таким ярким. И солнечные блики на водной глади лагуны... – они больше не играли в их воображении. – И в поле ходили они теперь не так охотно, как раньше, стараясь и говорить-то о своём плоте поменьше. Но ходить было нужно, а то как же!

И вот, в начале четвёртой недели, обуреваемые такими непростыми, скажем, чувствами, вышли они в поле – надо же было как-то завершать начатое, – и видят... – Нет! – Они не были потрясены! Они даже не были сломлены картиной увиденного! Ребята, скорее, почувствовали некоторое облегчение и усмотрели в этом поистине оригинальное, пожалуй, решение всех своих проблем. – Какой-то хозяйственный седой старик со своим напарником старательно укладывал на тачку последнее из оставшихся и уже распиленных брёвен, – а с какими трудами

эти брёвнышки они собирали! – ... и затем медленно, часто останавливаясь и вытирая лоб платком, повёз его в посёлок, видимо, на дрова.

Бесславная затея! – скажет кто-нибудь. – А это как поглядеть! В истории Бори с Веней – пожалуй, да. А вот, если подобная история приключилась бы с целой страной? – Ну, тогда бы историки заявили в один голос, что история бесславной не бывает! – Это как поглядеть...

А потом... Потом события пошли своим чередом. Правда, в несколько ином направлении. К вечеру следующего дня Веня и Борис уже пилили свои столбы на дрова, помогая дяде Алику в заготовке запасов на зиму, – приятель его, нашедший иссохшиеся телеграфные столбы в поле, невесть откуда и кем притащенные, уступил половину их по дружбе, – пилили молча, сосредоточенно, каждый о своем думая...

Итак, затея с плотом благополучно провалилась. А сколько было хлопот, сколько волнений, – и всё коту под хвост! – По крайней мере, так друзьям казалось тогда.

Через много лет им уже так не покажется. Им просто будет о чём вспомнить, и вспомнить как о самых счастливых деньках своей юности! – А ведь, это здорово, когда хочется и есть о чём вспоминать! Эх, знали б тогда Венька с Борькой, каким образом, через много лет, вспомнятся им мечты о таинственных кладах, о сокровищах... и во что превратится безрассудный и тем прекрасный жар юности?! Да! – Истинно говорят: если б юность умела, если б старость могла!

Тогда же, в те безмятежные и, по-настоящему, счастливые дни, они даже и предположить-то не могли, что это было всего лишь началом, и началом не таким уж и худым, – но всего лишь только началом тех странных и таинственных событий, участниками которых им придётся стать.

– ... Ну что же вы делаете?! – пожилой горбоносый, интеллигентного вида человек, с портфелем в руке и с очками на самом кончике носа, – так и казалось, что они вот-вот упадут! – сокрушённо качал головой, наблюдая как солдаты забрасывают глубоченную яму обломками досок, ржавыми кусками каких-то труб и прочим мусором, – ... ведь эти доски сгниют же скоро, и асфальт просядет... а яма у самого дома выкопана, фундамент поведёт... а там... – Думать же головой надо! – Где ваше начальство?

А в это время бульдозер, лихо развернувшись, начал задвигать в яму новую земляную глыбу. За рычагами бульдозера, пританцовывая и смоля «беломориной», – она так и сновала из одного уголка рта в другой, стоял смуглый солдат (сиденье в кабине отсутствовало).

– Посторонись... поберегись, папаша, – крикнул он, весело скаля белые зубы, – вон, капитан наш идёт, с ним говори.

– ...Капитан Звягинцев! – коротко бросил подошедший военный, приложив в приветствии руку к козырьку фуражки, – что Вас интересует, гражданин?

– Что интересует? – возмущённо выкрикнул человек с портфелем, сиюсь перекрыть гул машины. – По какому такому праву?... Кто велел вашим сотрудникам зарывать доски в землю?

Капитан махнул тут бульдозеристу, и тот приглушил двигатель.

– Я, – инженер-строитель и кое-что смыслю в этих работах, – уже более спокойно произнёс гражданин в очках, – ведь улицу же испортите, дом трещину даст...

– ... Нам отдан приказ обезвредить бомбу, которая лежит здесь ещё с войны, – чуть смущённо, будто оправдываясь, ответил капитан.

– Да что мне ваши бомбы... – начал было очкастый, но тут же осёкся, одумавшись, и уже примирительно, даже сконфуженно как-то, спросил: – Ну, а бомбу-то достали?

– Достали... Вон на газоне лежит, – и капитан указал на какую-то бесформенную грудку железа, оцёпленную со всех сторон красными флажками, – химическая зажигалка, пятисоткилограммовая... на глубине шести метров лежала. А Вы – «доски»! – чуть обиженно и вполне миролюбиво произнёс он.

– Простите, капитан! Я же не знал, что бомба... – и, вконец сконфуженный, человек с портфелем как-то боком-боком удалился.

– Ребята, перекур! – выкрикнул не по-уставному капитан, – Неязов, подежурь здесь, пока ребята пообедают, – обратился он затем к бульдозеристу, – а мы с тобой потом, минут через сорок...

Солдаты направились в столовую зенитно-артиллерийского училища, которое располагалось поблизости, на углу Малой Монетной и улицы Мира, а капитан с Неязовым остались приглядывать за техникой... и за бомбой. Звягинцев присел на скамейку в скверике, у бомбы, и закурил. Неязов прилёг на траву и с наслаждением вытянулся. Из распахнутых окон дома, под которым выкопали бомбу, глазели жильцы, – дом не расселяли, – не часто же доводится поглядеть на такое.

Стоял жаркий май. Кусты сирени, отделявшие школьный двор от проезжей части улицы Мира, отяжелели под гроздьями белоснежных соцветий и жаждали влаги. Воробьи весело чирикали, подбирая выкопанных дождевых червей... да вездесущие мальчишки – отгоняй их, не отгоняй! – вертелись вокруг ямы...

Весной 1966-го года по всему городу и в пригородах развернулись работы по обезвреживанию всяких разных взрывоопасных предметов, оставшихся ещё со времён войны и представлявших хотя бы малейшую опасность, – ведь следующий год не простой, юбилейный: пятьдесят лет Великой Октябрьской!

У Звягинцева это уже пятый объект. Помнится, когда велись работы на улице Льва Толстого, в парке Первого медицинского института... – выкопали не менее десятка зажигалок и фугасных! – Да! Досталось родному Питеру!

Но не все из этих «подарков» оказывались боевыми: друзья-сапёры говорили, что нет-нет да и находились такие, в которых вместо детонаторов – металлическая стружка... а иногда и записка даже: «чем можем, тем и поможем...» – наши, видать, делали... – пленные.

– Василий! Вот ты где окопался! – весёлый уса́тый майор, подойдя к скамейке, на которой отдыхал капитан, присел к нему по-свойски. Неязов, торопясь подняться, чуть было не полетел, споткнувшись, но майор махнул ему дружелюбно, – лежи, мол, отдыхай.

– А ну-ка, покажи эту чушку! На шесть метров зарылась, говоришь? – и майор с капитаном подошли к бомбе.

– Вот она, – гляди! На шести метрах достали: яму пришлось досками укреплять, а иначе земля осыпалась. Так-то! По воспоминаниям очевидцев работали, на ощупь, можно сказать.

Корпус бомбы, разъеденный ржавчиной, только отдалённо (да и то лишь по уцелевшему хвостовику) напоминал некогда смертоносный снаряд: он теперь представлял собою вполне мирную громадную лопнувшую сардельку, в некоторых отсеках которой, правда, еще сохранилось зажигательное вещество чёрного цвета. Эта чёрная жижа, дымясь, вспыхивала вдруг то здесь то там, на свету, напоминая о своём зловещем предназначении.

– Фосфор... – констатировал майор, забрасывая очаги возгорания пригоршнями земли. – Ведь это ж надо! Столько лет в земле, а на свет реагирует! – Обалдеть! – и он удивлённо помотал головой.

– Я, Вася, вот по какому делу заскочил, – майор выпрямился, разогнув спину, – твоё ходатайство о проверке поля в Александровке начальство поддержало. Закончишь с этим, – он указал на яму, – и отправишься... поле проверять, – и майор, хлопнув капитана по плечу, вдруг расхохотался. – Шельмец! Всё лето на даче, с семьёй! – Завидую! Коньяк с тебя!

– Так я тебя на дачу и приглашу, на природу: вот и проверим... в поле-то, – и заготовили оба.

– А кстати, как там Катя с Юркой? – выросли уж, поди? – Выросли... да только... такие ж замкнутые: с ребятами не водятся... Катька особенно. – Ну, передавай от меня привет, – и майор, снова хлопнув друга по плечу, отправился по своим делам.

Капитан же, глядя ему во след, усмехнулся чему-то и, затушив сигарету, направился к яме. Там, на краю, он долго, будто вглядываясь в яму, сосредоточенно о чём-то думал, затем, неторопливо достав новую сигарету, опять закурил... – Он, похоже, был чем-то взволнован.

– ... Товарищ капитан, – а болотце это будем проверять? – солдат с металлоискателем, обследовавший только что заросли камыша и рогоза, что со всех сторон обступили громадную воронку, заполненную подёрнутой ряской зеленоватой водой, выбрался на дорогу и начал счищать пучком травы с сапог сырую грязь.

– Нет, в болоте нам делать нечего. Да и вообще, на сегодня хватит, – капитан взглянул на часы, на солнце, клонившееся уже к закату, и, достав из планшета блокнот, сделал в нём какие-то пометки. Затем он подошёл к водоёму и оглядел его.

По водной поверхности заболоченного пруда, свободной от ряски, скользила водомерка: замерев на месте, будто о чём-то размышляя, она вдруг молниеносно сменила позицию, оставляя угловатый расходящийся след, и затем снова замерла в ожидании чего-то.

– ... Приборы я заберу, чтобы не таскать их взад-вперёд, а вам предлагаю отобедать у меня: нахлебаетесь ещё в казарме-то. Оба солдата с нескрываемым оживлением тут же дружно поблагодарили своего командира.

Для обследования поля в помощь капитану Звягинцеву были откомандированы двое рядовых, проходивших службу в части, расположенной в Горской, близ аэродрома ДОСААФ. Каждое утро он заезжал за ними на старенькой «победе», и они начинали свои «полевые работы». Вечером же капитан доставлял своих помощников обратно в часть.

Столовались частенько у него, хотя солдатам и выделялся для этого сухой паёк, – у капитана в Александровке была своя дача, – да и металлоискатель с аккумулятором оставляли у него же... Солдатам жилось вольготно: чистый воздух, вдали от начальства... – благодать! И они старательно выполняли всё, о чём просил их капитан.

Вокруг сапёров частенько вертелась ребятня, и солдатам иной раз приходилось делать весьма серьёзный вид, отгоняя назойливых пацанов; встречались, правда, и такие... ну как те двое, что целыми днями с брёвнами возились, – что ноль внимания!

Работы в поле велись уже второй месяц. Оно обследовалось планомерно, квадрат за квадратом: во многих местах его, особенно вблизи траншей и капониров, густо заросших травой, можно было увидеть результаты этих работ – аккуратно сложенные горки всякого металлического хлама. Здесь были и обрывки траков от гусениц каких-то сельхозмашин, зубья бёрон, детали сенокосилок, и куски ржавой колючей проволоки, и обломки труб...

Но дотошный капитан был чем-то всё же недоволен. И частенько, по вечерам, его одинокая фигура с металлоискателем маячила в косых закатных лучах на каком-нибудь из холмов...

... Через неделю, после столь благополучного завершения работ по строительству плота, – началась уже вторая половина июля, но по-прежнему стояла жара, и все дни ребята пропадали то на заливе, то на озере, – собрались как-то Боря с Веней вечером, по холодку, обсудить свои дела. А надо сказать, что эта неделя не пропала даром, – в каникулы, да ещё и летом, ни одного дня даром не пропадает (в этом главное отличие каникул от монотонных будней учёбы), – неделя эта способствовала воцарению в душах мальчишек ощущения некоего покоя и примирения с действительностью.

Уселись они под окнами Венькиного дома на лавочке и, наслаждаясь ароматом жасмина, громадный куст которого рос у самого крыльца, повели неторопливую беседу.

– Крепкий домик у вас, ничего не скажешь! – Боря похлопал ладонью по ещё не остывшим камням высокого фундамента и глянул на друга, хитровато прищурившись, – ему наверняка уже лет сто будет.

– Моя бабушка говорит, что и поболее, вроде... – ответил Веня, любуясь вечерним пейзажем. А дело в том, что их домик стоял на живописном холме, склоны которого были густо заставлены утопавшими в зелени деревянными домами уже послевоенной постройки; и с высоты этого холма открывался удивительный вид на поле, на лес, чернеющий вдали узкой полоской, на пригорки, над которыми носились писклявые чибисы...

Дом был сделан добротно и, хотя и перестраивался, – кое-где вкрапления современной неряшливой кирпичной кладки выдавали себя среди более строгой работы прошлых лет, – но на старом фундаменте. Фундамент этот, почти с метр высотой, был сложен из больших обтёсанных камней, сцементированных так прочно, что даже и сейчас в нём не заметишь ни единой трещинки.

В доме было две комнаты и кухня, являвшаяся также и прихожей. В одной из комнат стоял камин: от его тепла могли обогреваться обе комнатёнки; на кухне – каменная плита, уставленная керосинками, на которых бабушка и готовила (газ они не использовали). Из кухни узенькая лестница с перильцами вела на чердак, сплошь заваленный всяким хламом. Был лаз и в подполье, где хранились заготовки на зиму в виде банок с соленьями и картошка, за которыми дедушка ездил зимой время от времени и брал с собой Веню. Ах, как Веня любил эти зимние поездки за город!

Боря ещё разок провёл ладонью по тёплым камням фундамента, по выбитому на одном из них орнаменту в виде какого-то трезубца и, снова повернувшись к другу, спросил, как бы между прочим:

– Ну и чем же, старина, мы теперь заниматься будем? – Ведь, ещё полтора месяца почти.

– А что если... – нет, нельзя сказать, что предложение Вениамина было всерьёз, скорее так, чтобы поддержать беседу, – а что если нам заняться поисками клада в поле: ведь не все же финны прятали сокровища на том берегу, может, какой-нибудь полудурок... – Он не успел закончить свою мысль, как Борька тут же прервал его:

– Вот это дело, старик! – у него даже в глазах что-то блеснуло, – вон, дядя Алик, не один раз уж ночью из поля возвращался... под самое утро приходил! – Сам видал. Тётя Уля ему такую взбучку давала, – по первое число! – «С ума спятил, дуралей...» – я хорошо помню, как она ему выговаривала тогда, – «... нет чтобы корову пасти, так он опять в земле и в глине какой-то вымазался!»

– А зачем ему в поле землёй-то мारаться, не усёк ещё? – тут Боб сделал такую мину, что Веня от него отпрянул даже. – ... А потому, что в поле ночью он копал что-то! – почти шёпотом закончил Боря. А потом, оглянувшись по сторонам, добавил:

– Да я и сам видал уж не один раз, как дядя Алик, перед тем как идти в поле с коровой, что-то украдкой из-под рундука достаёт, – не иначе фонарь какой-нибудь потайной или карту...

Веня, в свою очередь, тоже подтвердил: дядя Алик что-то от тёти Ульяны скрывает, – ему тоже не раз удавалось заметить, как тот, прежде чем отправиться пасти под вечер корову в поле, что-то доставал, таясь, из-под крыльца. Однако, после недолгого молчания, он благоразумно предположил:

– А может, враки всё это, про клады? Ведь, если б клад и был какой, то на другом берегу озера, где финны...

– Может, враки, а может, и нет, – уклончиво отозвался приятель. – Вон, в «Острове сокровищ»... – там всё взаправду оказалось! Может, и нам стоит попробовать? – Ведь когда пять лет назад монетку нашёл сосед наш, так чуть ли не каждый день кто-нибудь в поле копался!

А надо сказать, что идея найти какой-никакой клад в здешних местах владела в ту пору умами не только подростков, но и людей куда более солидных: уж не первый год ходили слухи о каких-то сокровищах, спрятанных будто бы где-то, близ озера... да вот на какой стороне

только, неизвестно. Слухи эти ходили давно. То затихая и совсем прекращаясь на долгие годы, они порою вдруг снова вспыхивали, словно сухая ветка, брошенная чьей-то рукой в почти уже затухший костёр; и тогда пламя вновь разгоралось, освещая на время сумерки однообразия незатейливой сельской жизни. – И не в новинку было встретить иногда в поле таинственных «копателей», маскировавшихся под огородников.

– ...Попробовать, может, и стóит, – отозвался Вениамин, – да только, вот, лопату надо раздобыть где-то, и потом прятать её в поле. Ведь, каждый раз уходить из дому с лопатой... – он отрицательно покачал головой. – И фонарь...

– А фонарь-то зачем? – насторожился Боб. – Меня ночью из дому не выпустят, здесь даже и думать нечего!

– Ну так и быть, можно и днём... – согласился Веня (о том, что его ночью тоже никто не выпустит, он решил дипломатично умолчать). – Да только сперва надо проследить где люди копают, – ну, дядя Алик, например, – а он, как нарочно, всё ночью норовит, сам же сказал. Вот в чём загвоздка! Не перекапывать же нам всё поле!

– Да-а, это ты верно сказал, старина: всё поле нам не перекопать, и думать нечего! А что если... – тут Борька сделал такие таинственно-округлые глаза, что Вениамин невольно затих в ожидании чего-то серьёзного или, по крайней мере, толкового, – ... что если нам покопаться в старых развалинах, у леса, – а?

– Можно и там... – как-то неопределённо и нерешительно отозвался Вениамин, – да только в том месте всё уже давным-давно перекопано. И нечисто, говорят, там... Ну да ладно. Давай, попробуем.

На другой день, после завтрака, Боря, как и всегда, отправился в магазин. Дело в том, что ходить в местный магазин было прямой обязанностью мальчиков, которую они исполняли, впрочем, с большой охотой: на сдачу (а как правило, она составляла копеек тридцать) им разрешалось иногда покупать мороженое или даже сходить в кино, – в кинотеатр «Слава», уютившийся в одноэтажном, красного кирпича домишке против железнодорожной платформы.

Проходя мимо дома Вени, он, замедлив шаг, окликнул по обыкновению приятеля: – Веник! Выходи... Эй, Вень! Дело есть!

В открытом окне на мгновение показалась Венькина физиономия. Он кивнул в знак согласия и уже через минуту был рядом с другом.

– Слышь? – Мой отец собирается завтра ловить рыбу и попросил для этого у дяди Алика лопату червей накопать, а тот... – Ну, ты врубился или нет? – Борька дёрнул Веню за рукав, – а дядя Алик... – «лопату, – говорит, можешь не возвращать, она и так уже проржавела насквозь» – Сечешь? – Считай, короче, лопата у нас в кармане!

– Ну что ж, коль лопата в кармане, то и дело наше в шляпе, – промолвил в ответ приятель с серьёзной миной; и, хлопнув друг дружку по плечу, ребята расхохотались.

В юности все дела кажутся важными. Это потом уже, в зрелые годы, ускользающее время заставляет нас ранжировать их по степени важности. – В юности же любая мало-мальски приятная мелочь способна вызвать в нас хорошее расположение духа. – На то она и юность! Так было и на сей раз. Ну а что, собственно, ещё нужно в летние каникулы?!

– Погоди, меня тоже посылают в магазин, денег только дадут...

– Послушай, Веник, – Боб хитровато прищурил левый глаз, – а что если сдачу собирать после каждой покупки, а не в конце только: тогда много наберётся.

– Не, Боб, – взрослые не дураки... я уже пробовал. ... И вскоре мальчишки, толкаясь и дурачась, отправились в магазин.

Через час с небольшим они уже возвращались домой с полными сумками, неторопливо обсуждая свои ближайшие планы и смакуя сливочное мороженое за пятнадцать копеек, честно заработанное на сдачу. А ещё через пару часов Борька сообщил приятелю, что лопату он «прикарманил» и что она уже спрятана в надёжном месте.

Ну а после обеда... Сразу же после обеда ребята, как и договорились, решили покопать в развалинах. Веня счёл нужным не подавать виду, но... но один бы туда он не пошёл ни за что, – другое дело вдвоём.

Остатки фундамента с одной-единственной уцелевшей стеной какого-то строения, неведь кем и когда возведённого у самого леса, никогда не пользовались доброй славой. Ребятня сюда не наведывалась, – уж слишком далеко от посёлка, да и место какое-то жутковатое... А взрослые, – те тоже старались не задерживаться здесь надолго.

С наступлением сумерек над развалинами появлялась одинокая сова; её приглушённое уханье уж не раз заставляло вздрагивать случайного путника и ускорять шаг, чтоб поскорее убраться отсюда. Поговаривали даже, что иногда, по ночам, видели у этих развалин странные огоньки: то ли костёр кто жёг, то ли... – Ходила даже легенда о каком-то управляющем графа Стенбок-Фермора... неприкаянный дух которого временами шатается здесь в поисках несметных сокровищ...

– Не, Боб, – здесь только битый кирпич, мы лопату ломаем и всё. Да я и не читал нигде, чтобы клады в домах зарывали, – уж слишком место приметное, – Веньке явно хотелось поскорее убраться отсюда. – Вот если дом этот использовать как ориентир... а зарыть в другом месте, в ста шагах, например, – тогда совсем другое дело!

– Ты прав, Веник, – Бобу тоже не хотелось тут околачиваться. – Давай вон у того дуба покопаемся, как раз шагов сто будет... к лесу. – Отсчитывай.

Венька отсчитал ровно сто шагов по направлению к дубу. И они стали копать, не доходя метров пятнадцати до этого дуба... – Ребята не заметили тогда, как в дальних кустах, напротив развалин, блеснуло что-то раза два или три: за ними кто-то внимательно всё это время наблюдал... и наблюдал в армейский полевой бинокль.

– ... Какой длины твои шаги? А, Вень? – Боря прекратил рыть землю и вытер платком вспотевший лоб. – Продолжай, теперь твоя очередь. Да похоже только, что здесь ничего нету. Видимо, шаги у тебя не той длины, всё же.

Венька потянулся и сладко зевнул. Как хорошо вздремнуть на травке, на вольном воздухе!

– Послушай, ведь мы сегодня здесь ничего так не найдём, – надо нам с тобой поменять тактику. А пока завяжем, может? – Вене, право, не очень-то хотелось копать, – Давай, пойдём лучше, поглядим как солдаты бомбы ищут.

– Давай, – тут же согласился его приятель, – и они, хорошенько замаскировав в кустах лопату, пошли на другой конец поля.

...Неподалёку от сапёров, – подходить к ним близко было строго-настрого запрещено сердитым капитаном, – собралась стайка ребяташек.

– Гляди, гляди, – вот сейчас точно отыщут! – возбуждённо говорил своему приятелю какой-то сопливый рыжий мальчуган, крепко сжимая в руках бурый от ржавчины гаечный ключ, откопанный недавно солдатами.

А в это время один из военных медленно ходил в наушниках вокруг одного и того же места, водя над ним круглой рамкой на длинной изогнутой штанге, вдоль которой был закреплён провод, идущий к ранцу. Капитан, в котором Веня сразу же узнал Василия Матвеевича, – соседа, жившего от них через два дома и частенько покупавшего у Лутиных молоко для своих детишек, Юрки и Катьки, – стоял несколько поодаль, наблюдая за обстановкой и что-то записывая в свой блокнот.

– Послушай, Боб, – а что если к Василь Матвеевичу подойти и попросить? Он же знает нас, и к дяде Алику часто заходит...

– Веник! А ты молоток! – Борька, не дав договорить своему приятелю, сходу понял о чём речь. – Но тогда он, если клад найдёт... – он же не отдаст его нам! – Здесь надо поосторожней как-то.

– Да! Ты прав, Боб. Как бы он вперёд нас не отыскал его! Вон у него какая техника! Любые металлы, я слышал, ищет! Нет, нам самим надо как-то... А для этого необходимо точно знать место, вот и всё.

И друзья, поглядев немного на работу сапёров, повернули домой, так и не посмев подойти к капитану.

...Когда возвращались домой, уже вечерело. Тени от кустов стали длиннее. Каждый листочек и каждая былинка в лучах заходящего солнца приобрели рельефные очертания, – и всё, буквально всё вокруг внушало, что унывать не стоит... и что всё ещё впереди!

Неудача первого дня поисков не сломила друзей. Наоборот! – Она лишь подхлестнула в них дух искательства, и не только подхлестнула, но и подсказала им, что искать следует... не так. – И тогда решили они повнимательнее присмотреться к дяде Алику: может, и прояснится что. Но договорились однако, что напрямую спрашивать его ни за что не будут. На том и расстались.

Так уж иногда случается в жизни, что проблемы и задачи, которыми человек озабочен долгое время, начинают каким-то непостижимым и, вполне уместно сказать, сверхъестественным образом, – решаться. И решаться как бы сами собой. Так получилось и на этот раз.

Как-то, дяде Алику ещё с вечера предстояло отправиться в поле, выгуливать на всю ночь корову (об этом тётя Ульяна твердила ему вчера весь день, что не прошло мимо Венкиных ушей).

Раньше, в старые добрые времена, когда в Александровке многие держали коров, большое пёстрое стадо их дневало в поле, мирно пощипывая травку... а затем, уже вечером, наевшиеся досыта коровы, мыча и мотая во все стороны хвостами, возвращались домой по улице Коробицына, что шла вдоль Горского Ручья; и каждую из них встречала хозяйка с прутиком и загоняла на свой двор... Теперь же на весь посёлок осталось всего четыре-пять коров, и пасти их в поле днём, площади которого уже давно арендовал лахтинский совхоз, стало как-то неловко. И дядя Алик отправился в ночь...

Венька наблюдал за соседом во все глаза, стараясь не пропускать ни единой мелочи! – Вот дядя Алик, уже в фуфайке и с большой продуктовой сумкой, в которую тётя Ульяна заботливо уложила на крыльце ужин (бутылка молока, блины, испечённые накануне, большой шмат колбасы, кусок холодной телятины, старое суконное одеяло, – всё это Веня сам видел, – да котелок отварной картошки с маслом)...

– Вот он, перед тем как идти в коровник, присел на лавочку под кустом жасмина, перекурить вроде... Но... но что это он? Что он такое задумал?

– Лишь только его жена скрылась в доме, дядя Алик тут же бросился к рундуку и, оглянувшись по сторонам с какою-то странной улыбкой, нагнулся и... и извлёк из-под крыльца довольно объёмистый свёрток, быстро сунув его в громадную сумку! Затем он уже спокойно и, по-хозяйски, размеренным шагом, направился к коровнику...

«На карту не похоже, вроде, – подумалось Веньке, – фонарь, должно быть. Ну а лопата... где же он её держит-то, в поле, что ли прячет? – Вряд ли. Корову он не каждый день пасёт, а лопата что же, – в поле валяется всё это время? И тут он догадался: это у него фонарь и... складная лопата!

Вот теперь-то Вене и проследить за соседом! Да кто ж его в поле-то отпустит, на ночь глядя?! Эх! Вот бы сейчас...

И надо же такому случиться! Часа через полтора после ухода мужа тётя Ульяна пришла к Вениной бабушке с войлочной шляпой в руках: старая, потрёпанная, с обвислыми полями, –

она и годилась только, что б в ней коров пасти! – ... Не пошлѣшь ли свою в поле сбегать, шапку мому снести: роса нонче, простудится. Забыла ему сразу дать-то. – И бабушка отправила Веню в поле...

Вооружѣнный инструкцией, которая, по мнению тѣти Ульяны, должна была помочь быстро найти мужа, вышел он в поле. Был уже поздний вечер. Туман успел затянуть ложбинку близ Горского Ручья и простирался широкой пеленой примерно в метре от земли. А ещё в полуметре от первого слоя нависал второй...

Пройдя уж порядочно, мальчик забеспокоился, – где в таком тумане дядю Алика отыскать-то?! – как вдруг, недалеко от развалин, что у леса, увидел метрах в пятидесяти... – языки пламени костра и какие-то тени, время от времени загоравшиеся огонь. – Нашѣл!

Обрадовавшись, он ускорил шаг и вскоре подошѣл к костру. На месте, где только что плясали весѣлые языки пламени, – парень их ясно видел издалека, – была зола: лишь одна головешка еле мерцала красным пятнышком уголька! И никого вокруг!

– Олег Петрович? – негромко спросил он, – Вы здесь? – Тишина вокруг: ни единого шороха, ни хруста сухой веточки!

– Олег Петрович... – позвал уже почему-то шѣпотом. – Та же таинственная тишина в ответ! «Вот те – на!» – удивился он и начал быстро, почти бегом, удаляться от этого лихого места.

Лишь через полчаса, в другой стороне от дороги, вышел Веня после усердных поисков на дядю Алика! На небольшой возвышенности, где он расположился со своими товарищами, и близ которой мирно паслись три коровки, меланхолично пережевывая травку, тумана не было. У костра сидели-полулежали на сукожных одеялах трое «пастушков», завершая за неторопливой беседой первую бутылку... Ещё две, – ночь-то долгая! – поблѣскивали в траве.

Рассказав о цели своего прихода, курьер тут же получил и вторую инструкцию, уже от дяди Алика:

– Ты, это... скажи хозяйке, что нас не нашѣл, – дядя Алик был уже немного навеселе (шерстяной платок, небрежно обмотанный вокруг его лысеющей головы, походил на тюбан турецкого паши и усиливал колорит), – ... не нашѣл, мол, и всё тут!

– На вот, согрейся, – и другой из весѣлой троицы, старый приятель Олега Петровича, протянул было мальчишке алюминиевую кружку, но третий тут же перехватил его, – куда ты, Игнатич! – молочка плесни ему лучше, а то Петрович больно много его принѣс, – он хихикнул, – ужель его нам с водкой мешать! ... И Веня, держа в одной руке большую кружку молока, а в другой – отварную картофелину с солѣным огурцом, присоединился к честной компании. Затем, освоившись маленько, поведал он и о странном костре. А в это время трое приятелей чокнулись и дружно «вдели» ещё по одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.